

18+

БИКТОР БЫЧКОВ

Мальчик и штык

Виктор Бычков

Мальчик и штык

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56961103

ISBN 9785005117076

Аннотация

Посвящается детям войны. Нет ничего страшнее, чем словосочетание «дети и война». Но наши предки пережили это. Как они смогли выжить? Что спасало их в те страшные времена? О чём думали? Что делали? О чём мечтали? Книга об этом. О мальчишках и девчонках, на долю которых выпало самое страшное – война.

Содержание

Братик	5
1	5
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мальчик и штык

Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2020

ISBN 978-5-0051-1707-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Братик

Рассказ

1

Ещё до войны в семье определились с именем младенца.

Если родится мальчик, то его назовут Данилкой, Даником, как говорила мама. И папка был согласен, и она, Надя, тоже ничего не имела против имени Данилка. Даниил Васильевич Ставров.

А если родится девочка, то её назовут именем мамы – Оля, Оленька. Тоже красивое имя. Самое лучшее имя в мире, так считает Надя. Потому что мама. И потому что младшая сестричка будет с таким же именем. Ольга Васильевна Ставрова.

В последнее время только и делали, что ждали или Оленьку, или Данилку. Об этом только и были разговоры в семье.

А потом вдруг всё изменилось.

Так изменилось, что Надя не только не может объяснить, но и не может понять.

Как так получилось, что началась война?

Как так получилось, что её папа – самый лучший папа в мире, бригадир в колхозе имени Ворошилова, вдруг стал

полицаем, старостой деревни?

Как такое могло произойти – не укладывается в голове.

Был членом партии, был как все.

На собраниях в честь Великой Октябрьской социалистической революции сидел в президиуме, выступал с трибуны.

И провожали его на фронт вместе со всеми деревенскими мужиками.

Женщины, детишки, старики и старухи проводили их тогда за околицу.

И она, Надя, была вместе с мамой среди провожающих. Папа ещё просил маму не волноваться, не убиваться зря, а беречь себя, беречь не родившихся ещё Данилку или Оленьку. Нежно касался живота мамы, и Надя видела, как блестели папины глаза, как наливались они слезой.

Мужчины ушли строем на центральную усадьбу колхоза.

Командовал ими Надькин папа.

А провожающие остались за околицей.

Плакали и махали руками.

Многие ребяташки побежали следом за отцами и братьями. Звали и её, Надьку. Но она не могла оставить маму одну. Потому что «вот-вот».

– Тебе уже десять лет, доченька, – шепнул на прощание папа. – Береги маму. Я на тебя надеюсь.

Как так получилось, что через месяц у них в деревне уже были немцы?

Ведь до войны все говорили, что враги никогда не ступят

на нашу землю. И вдруг ступили. Да ещё как ступили! Прошли так далеко, что заняли и их деревню. А она рядом с городом Рославль, и Смоленск близко. А там уже и до Москвы рукой подать.

Правда, у них в деревне не стреляли. Надя слышала, что наши отступали через соседнее село, там и бои были. А вот их деревня осталась целой, как и до войны.

Это потом уже немцы приехали к ним в деревню, забрали тех, кто был в партии, арестовали местного сапожника и портного Каца вместе с семьёй и увезли в райцентр. Больше о них никто и ничего не слышал.

Хотя люди поговаривали между собой, что вроде бы их всех посадили в какой-то лагерь в Рославле, а потом и расстреляли.

Так оно или нет, Надя не знает.

Но всё равно страшно.

И вдруг появился папа.

Он пришёл днём.

Нет, не пришёл, а его привезли немцы на мотоцикле.

А за мотоциклом ехала крытая грузовая машина, из которой потом выпрыгивали немецкие солдаты.

Они же затем согнали всех жителей до колхозной канторы, что в центре, и сказали, что папа теперь будет старостой деревни, самым главным начальником.

Надя хотела радоваться, что папа вернулся живым, но не могла, потому что уже понимала, он – предатель. Её

папка, её любимый и родной папка – предатель.

И об этом там же, на сходе, многие говорили в толпе.

Надя слышала не раз от людей:

– Сволочь! Продался за понюшку табака.

– А ещё бригадир, мразь!

– Под партийного рядился, чтобы скрыть истинную личину врага.

– Наши мужья да сыновья, небось, на фронте гибнут, а этот... тьфу!

– Вот вернутся наши, ещё посмотрим, кто есть кто, и как он вертеться будет, если доживёт.

– Иуда, хриstopродавец, антихрист одним словом, – шипела рядом бабушка Степанида, соседка Ставровых. – Креста на нём нет, вот что я вам скажу.

А Надькины одноклассники Гришка Кочетков и Петька Манников несколько раз исподтишка ткнули в бок Наде.

– Во, поняла, предательница, – и грозили ей кулаками.

А какая ж она предательница? Она тоже за наших, за советских, за Красную армию. И галстук красный у неё есть, потому как её приняли в пионеры в этом году 22 апреля на день рождения товарища Ленина. И она вместе со всеми давала пионерскую клятву.

А ещё Надя страстно мечтала быть похожей на Анку-пулемётчицу из фильма про Чапаева. Быть такой же смелой, чтобы всех врагов сразу уничтожить, как Анка. И даже была готова кинуться спасти самого товарища Чапаева, когда

он в колхозном клубе на экране из простыни плыл по реке раненым. Ведь Надя не только хорошо плавает, но и ныряет не хуже мальчишек. И если бы она была рядом с Чапаевым в тот момент, то спасла бы его. А как же!

И какая ж она предательница после этого?

Но мальчишкам этого не объяснишь. Они и слушать не хотят.

– Контра! – вот и весь сказ.

Да ещё грозят вдобавок:

– Только посмей выйти на улицу, враз получишь по сусалам, предательница и полицайка!

И даже её лучшая подружка Танька Малахова, внучка бабушки Степаниды, больше не разговаривает с Надькой.

– Эх ты, а я с ней ещё дружила. Падлюка продажная, вот кто ты! Вражина! Я лучше с мальчишками дружить буду, чем с тобой, – и демонстративно встала рядом с Гришкой и Петькой.

Но это не так, совсем-совсем не так! Ведь она тоже не рада, что папа стал полицаем и старостой деревни. И она не виновата в этом.

И уж тем более она не виновата в том, что началась война.

А на том сходе мамка дрожала вся, и всё прижимала и прижимала к себе её, Надьку.

– Доченька, дочушка родная, – шептала мама. – Как же так, доченька? Лучше бы убили. Лучше бы сгинул где-нибудь. Оплакали бы, зато не позорились.

Тогда Надя не понимала всего.

И страшно обиделась на маму. Как такое она может говорить? Ведь это же папа! А разве можно желать родному человеку такого? Нет, конечно, нет!

Но было сильно-сильно стыдно. Вот так ей было тогда, и сильно-сильно обидно, и сильно-сильно стыдно.

Обидно за маму, что так сказала, и стыдно за папу, что предатель.

Она верит, верит очень сильно, что наши обязательно победят, вернуться. И что потом будет с папой? Это ж... это ж... страшно представить, что будет.

И она не знала, что делать ей, и как быть дальше.

А потом маме стало плохо прямо на площади у колхозной конторы.

– Началось! – сказала бабушка Степанида и под руку повела маму домой.

Ей помогали ещё женщины.

Надька тоже пошла с ними, но её не пустили в баню.

Именно там должна была родить мамка.

Женщины кинулись вычищать всё в бане, в предбаннике.

Готовить к родам.

И Надя суетилась рядом, пыталась помочь молодежи. Но её прогнали.

– Успеешь порадоваться, Надежда, и нагореваться ещё успеешь. Вот какая она, бабья доля, – сказала бабушка Степанида. – У тебя всё впереди, а пока ступай гулять. Не ме-

шай.

А куда гулять, если мамка там, в бане? За мамку страшно.

И ребятня деревенская грозилась Надьке.

И за папу стыдно.

Вот и получается, что она осталась одна. Есть и мама, и папа, и друзья, а Надя одна. Некому поделиться своим горем, не к кому пойти, не с кем поговорить, погулять.

Расплакавшись, Надя спряталась в сарае, в стайке, где телка держали.

И уснула прямо в уголке на охапке свежей травы, которую она же и нарвала сегодня утром.

Когда уже к вечеру Надя зашла в дом, мама лежала на кровати в передней хате, рядом сидел папа.

– Братик у тебя родился, Наденька, – сказал ей папа. – Братик Адольф родился.

Но голос был какой-то не радостный, не такой, как ожидала Надя.

А мама плакала.

– Какой Адольф, что ты удумал, Вася? – шептала сквозь всхлипы она. – Какой к чёрту Адольф, отец? Да-нил-ка! Даниил! Понял, дурная твоя голова.

– Если ещё раз произнесёшь это имя, – папа подскочил с табуретки, – я тебе... я тебе... я не знаю, что с тобой сделаю! Я, может, это ради вас, вот! Чтоб выжили вы в это страшное время.

Таким злым Надя ещё ни разу не видела папу.

И даже не кинулась к папе на шею, как это делала она всегда после их разлуки.

Не кинулась. Потому что она испугалась. И тоже сильно-сильно.

Потому что папа походил на чужого злого дядю. А не на того, каким она знала его до этого, знала до войны.

Когда папа выбежал из хаты, громко матерясь и размахивая руками, мама вытерла слёзы, подозвала Надю к себе.

– Иди сюда, дочушка. Посмотри, какой у тебя братик Данилка, – и показала на свёрток, который лежал рядом с мамой.

Его-то, свёрток этот, Надя так сразу и не заметила.

Мама легла на бок, отвернула уголок пеленки.

Маленькое, сморщенное, красное, почти старческое личико выглядывало в глубине свёртка.

– Ой! – всплеснула руками Надя.

Она ожидала увидеть совершенно другое лицо, вполне себе личико маленького человечка. А тут вдруг...

– Ой, мамочка! – опять всплеснула руками Надя. – А как же... – слова застыли где-то глубоко-глубоко.

Она растерялась, осталась стоять у кровати, прижимая руки к груди.

Улыбка мамы немного успокоила её.

– Глупенькая, – улыбнулась мама. – Так надо. Посмотришь через недельку-другую, каким красавцем будет наш Данилка.

Девочка села у кровати на табуретку, где сидел только что папа, коснулась головой свёртка, и замерла так.

Мама уснула.

Или задремала.

Надя боялась пошевелиться, боясь потревожить маму и братика Данилку.

Но когда во дворе слышны стали поступь коровы и телёнка, которые вернулись с выпасов, мама вскинула голову.

– Я ещё немножечко полежу, – извиняющим тоном произнесла она, – а вот завтра с утра уж сама корову подою.

Надя поняла.

Поднялась, по-бабьи потуже затянула узелок на платке.

Мама заметила этот жест.

– Ты у меня прямо взрослая уже, помощница, – произнесла дрогнувшим голосом.

Дочь собралась уходить, но в дверном проёме задержалась, обернулась к маме.

– А почему вдруг Адольф? – наконец осмелилась спросить Надя. – Ведь говорили, что Данилка, Даниил. А Адольф – это ж... это ж... хоть со двора не выходи.

– У батяки своего спроси, – зло процедила мама. – У него сейчас другой бог. Адольфом Гитлером зовут его. Вот папке и захотелось перед немцами выслужиться. Оттого и имя такое. Сыном решил рассчитаться, антихрист, прости господи. Имя сына как пропуск на службу к дьяволу. Мол, смотрите, как он верен новой власти. Тьфу! Глаза б мои не видели.

И опять заплакала.

– Ты только не плачь, мамочка, – произнесла от двери дочка. – Не плачь. Это Данилка, Даник, Даниил. А я и завтра утром подою корову. Я же умею. А ты отдыхай, отдыхай, мама.

Корова Марта у них спокойная, смиренная. Надя уже не раз доила её, мама учила.

Вот и сейчас она привычно пододвинула маленькую скамеечку, примостила рядом доёнку, принялась доить. Соски хоть и тугие, однако ж Марта отдавала молоко легко.

Молоко не укрыло и дна подоюника, как прибежала соседка бабушка Степанида.

Сунув корове кусок хлеба, старуха согнала Надю, сама присела на скамеечку, попросив девочку погулять.

– Иди, дева, поскачи, попрыгай немного, а я уж и подою. Дитё ты ещё, дитё. В куклы тебе играть, а не корову доить.

– Ну, что вы, – деланно запротестовала Надя, но в душе была рада такой помощи.

Всё-таки, как бы легко корова не отдавала молоко, но ручки немели всё равно, уставали очень быстро.

– Спасибо вам, бабушка, – произнесла она и осталась стоять рядом.

Ей хотелось спросить соседку, задать ей много вопросов. Но, то ли стеснялась, то ли ещё чего. А скорее боялась не тех ответов, которые хотелось бы услышать.

– Ну, чего стоишь? – видно, бабушка поняла по-своему

то, что Надя не ушла. – Не бойсь, дева. Молока вашего мне не надобно. Свою коровёнку только что подоила.

– Ой, что вы! – в который раз за сегодняшний день всплеснула руками девочка. – Что вы говорите, бабушка?! Я... я... – и замолчала.

– Чего замолчала, дева? – бабушка почувствовала недосказанность в словах ребёнка, пришла на помощь. – Говори, чего уж. Что смогу – обскажу. Чего не смогу – утаю по незнанию и по простоте душевной.

Надя ещё с минутку помялась, переминаясь с ноги на ногу, потом всё ж осмелилась:

– Бабушка, бабушка, – с жаром заговорила она, – почему так: сначала война, потом папка в полицаи, потом вместо Даника, вместо Данилки Адольф. Почему, почему, бабушка? – Надя прижалась к старушечьей спине, плакала. – Ну почему, бабушка, миленькая! И мама с папкой ругаются. Почему-у-у-у? – рыдала девчонка. – Я же их люблю, люблю и мамку, и папку, и братика люблю. Я их всех вместе люблю. Всех! Вместе! А они... а они та-а-а-к? – она уже не просто плакала, а навзрыд, до икоты.

Однако бабушка Степанида молчала, продолжала доить корову, с ответом не спешила. Лишь больше прежнего согнулась её спина, да сильнее упёрлась головой старуха в коровий бок.

И вздохи, тяжкие старушечьи вздохи слышны были.

– Оно, дева, корову мучить нельзя, – прервала молчание

бабушка. – Надо выдоить, чтоб молоко вымя не распирало. А то животине больно будет, неудобно. Понимаешь? – повернула вдруг голову к девочке.

– Д-да, – кивнула, соглашаясь, Настя.

Но всё также всхлипывала, однако уже отстранилась от старухи, не понимая, причём тут корова.

– Я про мамку, про папку, а вы...

– Так и человеку выговориться надо, – будто не услышав слов девочки, продолжила старуха, – излить горе, боль свою с души снять, о как. И человек страдает, когда горем душа переполняется, будто вымя молоком у хорошей коровы. Гляжу, полна ты горем, Надежда, а выхода не видишь. Так? Так, можешь и не говорить, я всё вижу. Страдаешь, девка, ещё как страдаешь, а помочь-то тебе и некому. За мамку страдаешь, за папку, за братика. И мамка твоя страдает. Страдает за мужика своего, ведь она ж его любит. И за тебя страдает, и за братика твоего. Вот и разрывается душа и сердце у бабы между мужем и детишками. А ещё людская молва вздохнуть не даёт ей. Как ей сейчас в глаза людям смотреть? Душа и сердце у неё на разрыв, а ты вдруг обиделась на мамку.

Надя молчала, лишь шмыгала носом и сопела.

В дом прошёл папа.

В непривычной чёрной одежде, в сапогах, с белой повязкой на рукаве и с винтовкой за плечами.

При виде отца, Надя сжалась вся, представив, о чём сейчас станут говорить родители.

Бабушка к этому времени закончила доить корову, отвела в загон на ночь, закрыла.

– Чего в дом не идёшь? – старушка обняла Надю, наклонилась над ней.

– Боюсь, бабушка, – разомкнула губы девочка. – Там и папка зашёл. Боюсь, что сейчас ругаться станут мамка с папкой. А как же Данилка? Мне что делать?

– Пошли со мной, дева, в дом. Небось, маковой росинки во рту не было за сегодняшний день? – бабушка подтолкнула ребёнка в направлении избы. – Заодно и молоко отнесу и процежу. При посторонних ругаться не станут батька с мамкой. Не дураки же твои родители. А ты ко мне прибегай, когда невмоготу или кушать захочешь.

– Угу, – ответила Надя и покорно пошла за соседкой.

На удивление, в избе было тихо.

Папа рогачом достал чугунок из печи, накрывал стол, ладился вечерять.

– Иди, дочка, кушать вместе будем, – обратился к Наде.

Однако она лишь прижала руки к груди, стиснула зубки и замотала головой, отказываясь.

– С мамкой заодно, значит? – папа зло усмехнулся. – Ну, ну, гляди у меня. За мной не заржавеет, если что.

Бабушка Степанида в это время процеживала молоко на лавке у печки.

– Не лезь со своими придирками к жёнке да к детям, Василий, – строго произнесла старуха. – Пусть пообвыкнут

немного, им к тебе по-новому привыкать надобно. А тебе к ним.

Степанида взяла кружку, налила молока, положила сверху ломоть хлеба, подала Наде.

– Поешь, девка, не гляди ни на кого и не слухай. Только за стол сядь. Ты же не нищенка и не падчерица в собственном доме при живых родителях.

Бабушка легонько подтолкнула девочку к столу.

– Садись, садись и кушай, золотце моё. А я мамке твоей отнесу молочка.

2

Всё чаще и всё громче доносилась до деревни канонада, отдалённые взрывы; всё чаще над ней пролетали самолёты с красными звёздами.

Всё ближе подходила Красная Армия.

А молва о том, что немцев гонят от Москвы, ещё чуть-чуть, и наши будут уже в деревне, бежала быстрее всех.

Сельчане спешили снять урожай, спасти всё то, что смогли посадить и вырастить на второй год оккупации.

– Наши солдатики вернутся скоро, даст бог, – говорила бабушка Степанида. – Убраться бы в огороде, а то вдруг война через нас пройдёт, сотрёт всё или сторит к чёртовой матери. А как жить? Вот война закончится, тогда и самая жизнь начнётся. А без хлеба какая ж это жизнь? Маята одна.

А ещё бабушка Степанида ждёт сына и зятя. Их призывали на фронт вместе с Надькиным папой.

– Если Господь будет милостив, если Богу будет угодно и мои хлопчики уцелеют в этой кровавой круговерти, вернутся живыми, – говорила старуха, осеняя себя крестным знаменем, – а мне ж их угостить надобно. Стол накрою, приготовлю, всё выставлю на столе в саду. Усажу их за стол, а сама встану под яблонькой и буду любоваться... любоваться буду ими как святой иконой в церковке. Во как!

Надька слушала бабушку и завидовала ей. Как же, она бу-

дет встречать своих родных, радоваться. А что будет делать Надя со своей мамой? С братиком? А что будет с папой? Думать не хочется.

Танька Малахова – внучка бабушки Степаниды, тоже ждёт прихода наших. Потому как её папка на фронте, а мамка в партизанах медсестрой.

Теперь они с Надькой снова подруги. И даже Гришка Кочетков и Петька Манников больше не грубят ей, и считает её своим товарищем.

Ну, это после того, когда мамка ещё летом тайком узнала от папы и его подельников, что будет облава в деревне, что немцы будут выселять семьи партизан в специальный лагерь в Рославле, о котором ходили страшные слухи, и отправила Надю предупредить сельчан.

Тогда многие из деревни успели уйти в леса, спрятались, переждали. И Манниковы, И Кочетковы, и Малаховы и ещё другие семьи.

А сейчас уже немцам не до этого.

На бывших колхозных полях в 1942-м и в этом году они заставили сеть пшеницу, рожь, картошку.

Пшеницу убрали ещё в конце августа уже этого 1943 года, обмолотили. Рожь только-только сжали, сейчас лежит в снопах да суслонах на полях, «доходит». Это потом уж и её обмолотят, и отправят в Германию вслед за пшеницей.

И картошку тоже.

Хотя не её время – слишком молодая картошка, с нежной

кожурой, не дозрела ещё.

Но сельчане тайком всё равно роют её на бывших колхозных полях, прячут у себя в огородах в ямках, прикрывая соломой и землёй.

– Хоть что-то убережь от антихриста до прихода наших, – говорит бабушка Степанида.

С ней соглашается и мама. И тоже вместе со всеми прячет снопы ржи, картошку.

А ещё Надька знает, что у многих закопаны мешки, а то и бочки с пшеницей.

И у них в огороде мамка закапала бочку пшеницы втайне от папы.

– Даст бог наши вернуться, а у нас и пшеничка есть, – уставшая, но довольная мама хвасталась дочери. – Будет чем колхозу проводить посевную. Да и хлеб... а как же! Ещё бы ржи успеть.

Но и немцы не дремали.

Почти две недели вывозили на телегах и на грузовиках пшеницу к железной дороге, там грузили в вагоны, отправляли в Германию.

Немцы спешили: а как тут не спешить, если поступь Красной армии слышна с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Руководил уборкой Надькин папа.

Скандалы с именем братика как-то поутихли сами собой.

В семье привыкли, что для мамы и Нади он был Данилкойм, а для папы оставался Адольфом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.